НОРМЫ И ПРАВИЛА

DOI: 10.22394/2070-8378-2018-20-6-52-58

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ПРОТОГОСУДАРСТВЕННОГО ОРГАНА ВЛАСТИ – ИНСТИТУТА ВОЕННОГО ВОЖДЯ

АНДРЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ ПРОХОРОВ, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы Института государственной службы и управления Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119606, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 84). E-mail: prochorov.igpan@rambler.ru

Аннотация: Целью настоящей статьи является рассмотрение общих причин и условий возникновения, а также организационных особенностей наиболее раннего протогосударственного органа власти – института военного вождя. Генезис этого института был обусловлен кризисом позднего родового строя. В качестве фактической основы в статье использованы данные о позднем родовом обществе у германцев и славян. Автор определяет общие причины политогенеза (зарождения государственной власти). Это, в свою очередь, предполагает рассмотрение основных властно-организационных и политико-управленческих процессов, происходивших в период разложения позднего родоплеменного строя. Содержательный анализ указанных процессов позволяет установить, что родоплеменные органы власти на последнем этапе своего существования столкнулись с кризисом управляемости, порожденным глубокой трансформацией объекта управления (родовой общины) и утратой властных возможностей управляющего субъекта. Выходом из кризиса управляемости стало создание в рамках племени постоянно действующего властного органа, основанного не на локальном (общинно-родовом), а на территориальном принципе. Социально-экономические и политические процессы эпохи позднего родового строя обусловили ситуацию, когда таким органом мог быть только институт военного вождя. Территориальная организация власти военного вождя дает основания видеть в нем первый протогосударственный институт, т.е. институт, содержавший в себе организационное начало государственной власти. Возникновение такого института (с принципиально иным объемом компетенций) неизбежно вызывало конфликты и нормативные коллизии между ним и старыми племенными органами власти. Укрепление позиции военного вождя происходило во время становления новой социально значимой племенной группы (дружины) и возникновения союзных племенных образований.

Ключевые слова: политогенез, разложение родоплеменного строя, кризис управляемости, общественное неравенство, властные структуры, территориальный принцип организации власти, протогосударственный орган власти

Статья поступила в редакцию 22 ноября 2018 года.

Прохоров А.В. К вопросу о возникновении протогосударственного органа власти – института военного вождя. *Государственная служба.* 2018. № 6. С. 52–58.

ON THE QUESTION OF EMERGENCE OF THE PROTO-STATE AUTHORITY – THE INSTITUTION OF THE MILITARY WARCHIEF

ANDREI V. PROKHOROV, Cand. Sci. (Law), Lecturer of the Chair of Legal Support of State and Municipal Service Institute of Public Administration and Civil Service Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84, prospekt Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119606). E-mail: prochorov.igpan@rambler.ru

Abstract: The purpose of this article is to consider the general causes and conditions of occurrence, as well as the organizational features of the earliest proto-state authority - the institution of the military warchief. The genesis of this institution was due to the crisis of the late clan system. As a factual basis, the article used data on the late clan society of the Germans and Slavs. The author identifies common causes of politogenesis (origin of government). This, in turn, involves consideration of the main power-organizational and political-administrative processes that took place during the decomposition of the late tribal system. The substantial analysis of these processes allows us to establish that the tribal authorities at the last stage of their existence were faced with a crisis of control caused by a profound transformation of the object of management (the tribal community) and the loss of power capabilities of the managing subject. The way out of the crisis of controllability was the creation within the tribe of a constantly operating authority based not on local (communal-clan), but on territorial principle. The socio-economic and political processes of the late clan system caused a situation in which only a military warchief's institute could be such an authority. The territorial organization of the power of the military warchief gives reason to see in this governing body the first proto-state institution, i.e. an institution that contained the organizational beginning of state power. The emergence of such an institution (with a fundamentally different amount of competence) inevitably caused conflicts and regulatory conflicts between it and the old tribal authorities. Strengthening the power of the military warchief occurred in the process of formation of a new socially significant tribal group –druzhina and the emergence of allied tribal formations.

Keywords: political genesis, disintegration of the tribal system, crisis of control, social inequality, power structures, territorial principle of the organization of power, the proto-state authority

The article was received on November 22, 2018.

Prokhorov A.V. On the question of emergence of the proto-state authority – the institution of the military warchief. *Gosudarstvennaya sluzhba.* 2018. № 6. P. 52–58. In Russian

Введение

Система племенной организации (социальные группы, властные институты, господствующие отношения) позднего родового строя продолжительное время была в состоянии регулировать различные общественные процессы, в том числе обеспечивать рост социального и имущественного неравенства. Властно-политическими инструментами регулирования становились как традиционные общеплеменные и общинно-родовые институты (совет старейшин, народное собрание), так и усилившиеся отдельные роды и семьи. Материальными ресурсами для обеспечения управленческих процессов являлись сохранявшаяся хозяйственная автономность родовых общин, неравный дележ военных трофеев и даней, организация добровольных подношений («даров») внутри племени.

Понимание и основное содержание процесса разложения родоплеменного строя

Система племенной организации могла регулировать и управлять общественными процессами до тех пор, пока их основной вектор (а именно – рост имущественного и социального неравенства) не стал вызывать исчезновение одних и глубокую деформацию других базовых элементов этой системы. Общественное неравенство поддерживалось племенными институтами именно потому, что изначально его развитие являлось потенциалом для эволюции племенного общества и не несло угрозы разрушения. До тех пор, пока неравенство в племени определялось, главным образом, возрастом, рождением, заслугами и не затрагивало собственности на средства производства (фундаментального вопроса социально-экономической организации всех типов общества), его рост приводил лишь к медленной эволюции и частичному изменению племенных структур. В этой исторической реальности племенные органы власти сохраняли свою управленческую дееспособность.

Ситуация изменилась, когда в результате социально-экономического развития (совершенствования орудий труда, роста прибавочного продукта, общественного разделения труда) неравенство проникло в сферу собственности на основное средство производства (землю) и в обществе начался процесс классообразования. На этом эволюция племенного строя заканчивается и начинается период его распада и одновременно зарождение новых государственных начал.

Под влиянием одних и тех же факторов, в один и тот же исторический период происходили принципиально разные процессы: разложение старого и формирование нового строя[1]. Содержательная двойственность эпохи подразумевала диалектическую взаимосвязь происходящих процессов. Единство происхождения объединяло эти процессы по принципу не линейной, а сложной корреляционной зависимости, выражавшейся во взаимной обусловленности явлений и форм [Carneiro, 1970. P. 735–738].

Распад родоплеменного строя приводил к тому, что происходило постепенное разрушение всех базовых элементов племенной организации. Господствующие отношения утрачивали роль экономических и социокультурных регуляторов; прежде значимые социальные группы распадались и теряли свои функции, а организация органов власти не соответствовала уровню управляемого объекта, теряла способности к управлению.

На протяжении VI–VII веков этот процесс интенсивно протекал в обществе восточных славян. Синхростадиальность экономического и общественного строя германцев I–III веков и славян VI–VII веков, продиктованная единой этногенетической (индоевропейской) природой этих народов, дает основания использовать сведения римского историка Тацита (I–II века до н.э.) о германцах для оценки организации власти в позднем славянском родоплеменном обществе[2].

Важнейшей частью этого процесса был распад кровнородственных общин и возникновение сельской (территориальной) общины. Новая общность – сельская (соседская) община – формируется не на кровном родстве, а на основе общих территориальных и хозяйственных интересов. В такой общине земля, разделенная на наделы, находится в пользовании отдельной семьи, их обработка ведется силами этой семьи, и ее глава является собственником орудий труда, скота и урожая. Естественные ресурсы соседской общины (пастбища, леса, водоемы) принадлежат всей общине в целом, а право пользования ими – каждой семье в отдельности. Сельская община, возникшая в догосударственный период, на этапе государственного развития показала себя в качестве устойчивого и эффективного хозяйственного и социального организма, опиравшегося на традиции, главными из которых являлись взаимопомощь и коллективная ответственность.

В VI–IX веках в общине возникает частная семейная собственность, появляется право на расчищенную «лядину»[3]. К VI веку археология фиксирует появление в землях восточных славян индивидуальных клейм (обычно клеймились оружие и кони), находок, которые свидетельствуют о формировании института собственности.

Кризис племенной организации власти

Племенное общество на последнем этапе своего существования столкнулось с процессами, содержание и масштабы которых превосходили стабилизационные

1 В истории восточных славян этот период длился с VI по IX век.

2 Прежде всего, это созданное Тацитом в конце I века н.э. сочинение «О происхождении и местоположении Германии» (лат. «De origine et situ Germanorum»), в котором описываются быт и политический строй германских племен первых веков новой эры [Тацит, 1969. С. 55–240]

3 «Лядина» («ля́до», «ляда», «лядинка», от праслав. *lędo) – место вырубки и выжига леса при разделке лесных угодий под посевы в подсечно-огневом земледелии. В данном случае – место под пашню, очищенное от леса усилиями одной семьи и поэтому, в отличие от общинной пашни, принадлежавшее только этой семье [Даль, 1863. С. 222].

возможности существовавших социальных групп и управленческий потенциал имевшихся органов власти. Возник кризис управляемости – показатель несостоятельности племенных органов власти и одно из частных проявлений общего кризиса родоплеменного строя.

Закономерность возникновения властно-управленческого кризиса заключалась в том, что процессы социально-экономического развития неизбежно приводили к усложнению общества (объекта управления), опережавшего в своем развитии органы родоплеменной власти (субъекты управления).

Организационным принципом родоплеменной власти было локальное властвование, то есть осуществление властных полномочий главами родов в небольших поселениях – родовых общинах. Никакой другой столь же значимой организации управления в условиях, когда родовая община являлась основным хозяйственным и социальным субъектом племени, быть не могло. Власть родовой знати на местах логично закреплялась и дополнялась аристократическим органом власти на племенном уровне. Племенной совет старейшин, представлявший собой собрание глав родов, вырабатывал и принимал общеплеменные решения.

Распад родовых общин, то есть общностей, соединенных родственными (реальными или мнимыми) связями и подчиненных власти родового старейшины, и возникновение сельской (соседской) общины, основанной на территориально-производственных связях, означало, что общество переходит к новым принципам поселения и производства. Этот переход ускорял развитие общества, порождая новые социальные группы и отношения, управление которыми не могли осуществлять органы власти, возникшие для руководства небольшими коллективами родственных семей. Нарождавшаяся территориальная организация общества нуждалась в территориальной организации власти – в таких властных институтах, которые могли распространить свое верховенство на значительные территории сельских общин. Родоплеменная (локальная) организация власти оказалась не в состоянии справиться с регулированием углубившегося социального неравенства в эпоху классообразования и задачами управления в численно возросших и территориально расширившихся сообществах.

В период длительного перехода от родовой к территориальной организации кризис родовых органов власти характеризовался тем, что они утрачивали управленческие возможности и властный потенциал, то есть способность направлять и регулировать общественные процессы. Это было вызвано следующими причинами.

Во-первых, с распадом родовой общины исчезал объект управления для родовых органов власти. Исчезновение этой общности следует понимать не как полное прекращение существования, а как утрату прежнего значения основного социально-хозяйственного организма и сужение рода до круга близких родственников. Тем самым снижался социальный статус главы рода, падал его авторитет. Властно-управленческие функции родового старейшины сокращались до исполнения идеологически важных, но имевших вспомогательное значение культово-хозяйственных действий: исполнение обрядов, хранение вотивных предметов и др.

Во-вторых, организовать управление новой общностью (сельской общиной) на старых родовых началах было невозможно. В основе власти родовых старейшин лежала глубокая легитимация всей системы родовых отношений, то есть признание абсолютной ценности родовых связей и необходимости всестороннего руководства со стороны главы рода. Такого признания в новой общности, состоявшей из соседей и возникшей в результате разрыва кровнородственных связей, не существовало. И хотя родовые связи и институты еще долго продолжали существовать в сельской общине и оказывать влияние на общественные процессы в государственный период (например, кровная месть), уровень их социальной значимости неуклонно снижался, а значение в управленческих процессах уже никогда не было прежним.

Таким образом, постепенная деформация объекта управления, ведущая к полному исчезновению его прежней значимости, и принципиальная невозможность распространения родовой организации на новую форму поселения и производства (сельскую общину) обусловили длительный кризис родоплеменных органов власти, утрату ими управленческих возможностей и необходимость перехода к иной организации властных структур.

Причины и условия возникновения постоянного института власти военного вождя (князя)

Создание нового постоянного института власти – военного вождя племени – было вызвано чрезвычайными обстоятельствами и свидетельствовало о том, что позднее родоплеменное общество столкнулось с проблемами, решение которых существующими органами власти было невозможно.

В результате социально-экономического развития славянского общества в IV–VII веках возникают новые социальные группы и отношения, для управления и регулирования которыми старые органы власти не имеют ни властных ресурсов, ни организационных возможностей. Процессы распада родовых и зарождения сельских общин сопровождались резким увеличением социальной напряженности и возрастанием конфликтности в обществе. Внутриполитическая ситуация в племени требовала создания органа управления, обладающего необходимой полнотой власти для влияния на происходящие процессы.

Народное собрание – верховный орган власти на данной стадии племенного развития – было недостаточно оперативным: сборы на него, согласно Тациту, затягивались на несколько дней [Тацит, 1969. С. 358]. В период между народными собраниями текущие дела племени решали старейшины – племенная знать, заранее обсуждавшая в своем кругу вопросы, которые были прерогативой только народного собрания. Как главы родов старейшины были ориентированы, прежде всего, на интересы своих локальных коллективов, что не могло не мешать выработке единого и общеобязательного

для всех решения. Кроме того, процесс распада кровнородственной общины уменьшал власть старейшин и их значение в жизни племени.

Внешнеполитические факторы (Великое переселение народов в IV–VII веках, увеличение межплеменных войн) ускоряли и актуализировали процесс создания властного института военного вождя племени. В ходе миграций и войн возникали новые племена и союзы, образование которых происходило по инициативе военных вождей и их дружин.

Социально-экономические и политические процессы эпохи (распад родовых связей, формирование семейной и частной собственности, значительные территориальные изменения и постоянные военные конфликты, социальное значение военной добычи) диктовали необходимость создания нового властного органа, стоявшего над локальными (родовыми и общинными) органами власти, то есть организованного по территориальному принципу. Таким властным органом в силу особенности стоящих перед ним управленческих задач и своеобразия эпохи мог стать только постоянный институт военного вождя (князя).

Особенность организации института племенного военного вождя

Организация власти военного вождя племени изначально отличалась от остальных институтов родоплеменного общества. Даже во время непродолжительных войн и конфликтов, когда эта должность еще не была постоянной, власть только этого племенного органа не могла организовываться и осуществляться по локальному принципу. Отражение внешней опасности подчас было невозможно без объединения и сплочения военных ресурсов всех племенных родов и общин. В таких случаях подчинение всех дееспособных мужчин племени, включая глав родов, одному органу власти делало его не локальным, а территориальным (надлокальным). Таким образом, еще до наступления последней фазы родового общества, эпохи великих миграций и постоянных войн, из всех племенных институтов только военный предводитель племени обладал потенциалом органа управления, распространявшего свою власть на все население племени.

Превращение института военного вождя в постоянный орган власти родоплеменного общества было реакцией этого общества на изменения во внутренней и внешней жизни. Происходило необходимое и закономерное приспособление племенного строя к внутренним структурным изменениям и внешним вызовам. Являясь порождением позднего родоплеменного строя, институт племенного военного вождя, основанный на территориальном принципе властвования, был одновременно отрицанием основ родового общества и организационных начал его органов управления. Территориальный принцип власти военного вождя дает основания видеть в нем протогосударственный институт, содержащий в себе организационное начало государственной власти.

Процедура выборов военного вождя племени

По мнению М.Б. Свердлова, «система племенной организации *способствовала* появлению сначала выборной, а затем наследственной княжеской власти (*kъne(d)zь) как высшего исполнительного органа племенного управления, а также выборных воевод (*vojevoda), предводителей племенного войска (*vojьsko) (курсив мой. – А.П.)» [Свердлов, 1983. С. 19–20].

На наш взгляд, правильнее считать, что система племенной организации способствовала не появлению, а замещению возникших должностей; она использовала для этого уже имеющиеся принципы и наработанные процедуры. Именно так следует оценивать сообщение Тацита о выборах предводителей в обществе германцев I–II вв.: «Царей они выбирают из наиболее знатных, вождей – из наиболее доблестных» [Тацит, 1969. С. 356]. Таким образом, выбор высших руководителей племени делался с учетом групповых и индивидуальных качеств (знатность и доблесть), высоко ценимых в этом обществе и открывавших их обладателю право на занятие высших властных должностей.

В основе замещения двух позднеплеменных властных институтов (царь и вождь) лежали разные принципы: знатность рода и личная доблесть. Если первое качество передавалось по рождению, то второе было следствием заслуг. Выбор королей, исходя из знатности рода, говорит об аристократическом характере позднеплеменного общества. Избрание военных вождей на основе заслуг и мужества, вероятно, не исключало знатности их происхождения, но характерно то, что в формировании этого института главное внимание уделялось не аристократическому происхождению кандидата, а его личным и профессиональным качествам. Выдвижение советом старейшин конкретного лица в военные руководители племени происходило с учетом приемлемости его кандидатуры для народного собрания. Вероятно, выдвигался представитель знати, обладавший военным опытом и должным авторитетом.

Компетенция и способы обеспечения военного вождя

Образование нового органа в системе племенного управления неизбежно вело к перераспределению компетенции между народным собранием и советом старейшин, с одной стороны, и военным вождем (князем) – с другой. Должность военного вождя изначально была выборной (вероятно, с небольшим набором компетенций и только на срок ведения военных действий). Трудно предположить, что главы родов и общин (старейшины), обладавшие всей полнотой власти, в том числе религиозной, могли уступить верховенство ими же созданному политическому институту без достаточных оснований – добровольно и на вечные времена. Однако эпоха войн и переселений делала актуальным постоянное существование этого института власти. Внутренние процессы племенного общества вели к усилению роли военного руководства и расширению его компетенции.

По мере распада родового строя, роста имущественного неравенства, падения авторитета совета старейшин все большее значение в обществе и органах управления получали люди, связанные с войной. Именно они становились социальной опорой для военного вождя, выходившего из подчинения родовым органам власти и обретавшего управленческую самостоятельность. Это могло проявляться в различных формах: в неподчинении совету старейшин, снижении значимости народного собрания, наследственной передаче должности вождя. Социально-политическим результатом этих процессов было упрочение территориального принципа организации власти и усиление протомонархического властного начала.

Тацит сообщал о добровольных подношениях вождям в обществе германцев: «У их общин существует *обычай*, чтобы каждый *добровольно* уделял вождям кое-что от своего скота и плодов земных, и это, принимаемое теми как *дань уважения*, служит также для удовлетворения их нужд. Особенно радуют их *дары от соседних племен*, присылаемые не только отдельными лицами, но и от имени всего племени, каковы отборные кони, великолепно отделанное оружие, фалеры и почетные ожерелья; а теперь мы научили их принимать и деньги (курсив мой. – А.П.)» [Тацит, 1969. С. 360].

Добровольные, но уже ставшие обычаем, дары подвластного населения племенным вождям, следует рассматривать как исходное начало, прообраз государственных податей. С образованием государства в славянском и древнерусском языке слово «дар» стало названием одной из податей [Свердлов, 1983. С. 20]. Но в позднем племенном обществе такой дар был формой *почестья* – признания рядовыми членами племени особого положения князя [Свердлов, 2003. С. 73]. Обновление смыслового содержания термина «дар» обусловлено функциональным изменением этого института. Из добровольных приношений племенным вождям дар становится обязательной и необходимой платой подвластного населения представителям нарождающейся государственной власти. В основе трансформации даров в налоги лежит рассмотренный выше комплекс социально-экономических и властно-политических изменений, происходивших в позднем родоплеменном обществе. Таким образом, складывался княжеский аппарат управления (дружина) и шло оформление подвластных групп с разной степенью зависимости.

Компетенция князя как племенного вождя не ограничивались сферой военных вопросов. Кроме военного руководства князь принимал участие в суде, высшей инстанцией которого являлось народное собрание. По словам Тацита, князь (король – rex) наряду с племенем в целом получал часть судебного штрафа, выплачиваемую преступником, другую часть штрафа получал пострадавший или его родственники [Тацит, 1969. С. 359]. Дары и судебные штрафы в пользу племенного князя были генетическим началом государственных податей (налогов) и судебных пошлин, получателем которых впоследствии будет верховная государственная власть.

Принадлежность к знатному роду и владение челядью (рабами, слугами) способствовало обогащению и повышению социально-политической роли князя, а получение даров, судебных штрафов и военных трофеев позволяло племенному князю, опираясь на дружину, формировать свой управленческий аппарат.

Дружина: причины возникновения, способы обеспечения

Постоянная военная активность племени и рост социально-политической значимости княжеской власти порождали возникновение новой социальной группы, сформировавшейся вокруг князя в позднем родоплеменном обществе – дружины[4]. Изначально дружина являлась добровольным объединением лично преданных князю воинов, связанных с ним клятвой верности, разорвавших отношения со своими родами и не совпадавших с племенным ополчением. Если князь еще сохранял связь с племенными органами власти, так как выбирался советом старейшин и народным собранием, то дружинник сразу становился своеобразным «изгоем», жизнь и благополучие которого зависели теперь не от общины, а от исхода военных походов и талантов военного предводителя. Такое положение дружинника представляло собой не понижение социального статуса вследствие выпадения индивида из своей социальной группы и не путь к военному наемничеству, а переход в новую статусную социальную группу. Высокая значимость воина в позднем родоплеменном обществе, статус человека, отобранного для выполнения жизненно важных общественных функций, возможность быстрого обогащения, – все это ставило дружинников в привилегированное положение.

Дружина представляла собой постоянное добровольное объединение в военное и мирное время. Ее члены находились при князе, создавая внутри племени обособленную социальную группу, связанную не племенными и родственными связями, а службой. Дружинники не занимались сельским хозяйством или ремеслом – только военным делом и охотой. Составляя ядро вооруженных сил племени, дружинники получали необходимую военную подготовку: владение холодным оружием, взаимодействие в конном и пешем строю. Большинство мужчин племени воевали «пешьцами».

Средствами для обеспечения дружины становились военная добыча, «дары» соседних зависимых племен, подарки, пиры и снаряжение (кони, оружие, имущество, корм), которые они получали не от племени, а от князя. У славян материальной основой дружины, наряду с ко-

4 В праславянский период существовало слово *družina – «товарищество», производное от понятия *drugъ – «друг», «товарищ» (с морально-этическим содержанием). [Этимологический словарь..., 1978. С. 131–132]. Поздним праславянским заимствованием стало и другое название дружинника – «кметь» от лат. comes – «спутник», «товарищ» [Фасмер, 1986. С. 261]. Историографию и основные оценки по вопросу о древнерусской дружине см.: [Горский А.А., 1989. С. 41–110].

нем и оружием, были *виры*, которые в дальнейшем развитии превратились в продовольственное обеспечение княжеских управленцев – *корм*[5].

Возвышение княжеской власти, ее территориальное расширение, оформление аппарата управления и утверждение своего верховенства на подвластной территории привели к трансформации племенного института в организацию государственной власти. Процесс политогенеза превращал военных подручных князя в государственных управленцев – проводников нового государственно-монархического начала, энергично боровшихся с остатками племенной организации власти.

В самой дружине возникала внутренняя иерархия и связанная с ней вертикальная мобильность. С развитием государственного аппарата и усложнением системы управления дружина как важнейшая военно-административная организация (ядро вооруженных сил и основной орган государственного управления) дифференцируется на младшую и старшую по уровню социальной и политической значимости своих членов. Развитие феодальных отношений превратит дружинников в феодальных собственников земли (в русской истории – с XI века).

Появление новых властных институтов (князь, дружина) усложняло систему управления и социальную структуру. Во-первых, это требовало не только формального определения и разграничения предметов ведения и полномочий новых и старых органов власти, но, прежде всего, обозначения пределов использования каждым из органов власти небольших людских и материальных ресурсов общества. Столкновение интересов и властные коллизии здесь были неизбежны. Во-вторых, это означало появление в обществе новой социально значимой группы, что требовало выстраивание линии отношений между членами этой группы и подвластными лицами. Новые носители власти должны были доказывать свою ценность для общества, подтверждая заслуженный характер полученных привилегий.

Союзы и союзы союзов племен: территориальный принцип организации власти, усложнение системы управления

Возникновение союзов племени на последнем этапе существования родоплеменного строя было обусловлено процессами распада родовых норм и институтов и формированием территориальных органов власти. В рамках новых обширных образований отмеченные процессы получали ускорение. К IX веку территории, заселенные восточными славянами, значительно расширяются. В ареал славянского расселения входят Приладожье, Верхняя Волга (земли угро-финских племен). Отдельные потомки славян уже в V–VII веках осваивают черноземные степи, и до нашествия печенегов (X век) славяне имели в хозяйственном обороте плодородные земли юга.

Вероятно, в процессе расселения VI–VII веков происходит разрушение племенной структуры и начинается формирование новых общностей, в основе которых лежит не кровнородственные, а территориально-политические связи и основания. Речь идет о союзах и союзах союзов племен. Возникновение этих политических образований усложняло структуру славянского общества и неизбежно вело к появлению новых задач управления и изменению принципов организации власти.

В научной и учебной литературе догосударственные общности восточных славян принято определять как «племена». Однако самые ранние источники, содержащие их определения, датируются VII веком и не называют эти общности племенами. Восточнославянские «племена» (поляне, древляне, кривичи), упоминаемые Нестором в «Повести временных лет», представляли собой не первичные этнические (племенные) образования, а *союзы союзов* нескольких безымянных для нас племен. Союзы союзов племен представляли собой территориально-политические общности, непосредственно предшествующие возникновению государства.

В современной литературе нет единого термина для маркировки этих образований. Одни авторы обозначают их как протогосударства или аналоги раннего государства [Гринин, 2007. С. 11]. Думается, что столь широкое определение лишает рассматриваемый исторический объект конкретики. Другие предлагают понятие «союзы племенных княжеств» [Горский, 1986. С. 82–83]. Такой вариант определения представляется наиболее удачным, хотя оно еще не прижилось в исторической и государствоведческой литературе. Древнеславянские названия данных образований до нас не дошли; возможно, что их и не было. Византийские источники употребляли термин «Славинии» [Константин Багрянородный, 1989. С. 44–45, 50–51].

Организация власти в таком значительном территориально-политическом образовании, как союз союзов, не могла происходить на основе общинно-родового (кровнородственного) принципа – подобно тому, как это происходило в племени. Теперь в основе управления должен был лежать принцип верховенства не в группе родственников или родичей, а на всей территории, которую занимало новое образование. Осуществление власти становилось делом не локальных управленцев, непосредственно связанных с населением (старейшин, жрецов и глав фамилий), а властной управленческой организации, отличающейся наличием особых корпоративных интересов, обладающей верховенством на данной территории и существующей на налоги, собираемые с населения.

Переход к новым формам организации власти происходил в условиях стабильного, существовавшего продолжительное время, союза племен. В силу усложнившихся задач общества, управляющая организация должна была, прежде всего, изменить принцип властвования: перейти от локального типа управления к территориальному. Этот переход представлял собой революционный скачок. Организация власти в целом должна была перейти от локального управления, то есть от руководства замкнутыми группами с относи-

5 Ви́ра – денежная пеня в пользу князя за убийство свободного человека [Тихомиров, 1953. С. 139].

тельно гомогенным населением, к управлению территориально-политическими образованиями – «племенами» («Славиниями»), в рамках которых активно шли социально-экономические и политические процессы имущественной дифференциации, зарождения частной собственности, формирования классов и сословий, складывание новых органов власти.

Усложнившееся общество имело для такого перехода все необходимые ресурсы и нуждалось в подобных изменениях. Это обусловило отделение власти от населения и создало основу для возникновения корпоративных интересов управляющей организации – государственного аппарата. Таким образом, развитие общества, под которым следует понимать не только количественный рост населения, но, прежде всего, усложнение социальной структуры (появление новых имущественных, производственных, управленческих групп и отношений), закономерно вызывает процесс политогенеза, то есть формирования государственной власти, государственного аппарата.

Возросший за период IV–IX веков хозяйственный уровень восточных славян вызвал усложнение общественных отношений, привел к возникновению значительных территориально-политических образований, ставших предшественниками государства. В них формировались качественно новые, надплеменные, территориальные органы власти, которые, в силу своей материальной основы, могли осуществлять властные мероприятия, требовавшие огромных людских и материальных ресурсов (например, дальние военные сухопутные и морские походы на Византийскую империю). Все отмеченные выше изменения свидетельствовали о том, что восточнославянский мир вступает в новый период своего исторического развития – *период государственной жизни*.

Заключение

Проведенный краткий обзор основных социально-политических процессов в позднем родоплеменном обществе имел целью показать, что процесс зарождения государственной власти характеризовался, прежде всего, возникновением постоянного института военного вождя. Это было закономерным результатом нарастания противоречий позднего родового общества. Комплекс внутренних и внешних факторов обусловил необходимость создания сначала временных, а затем и постоянных племенных военных органов власти, обладавших достаточной компетенцией, необходимыми ресурсами и способностью оперативно принимать решения. Упрочение властных позиций и политической самостоятельности князя, развитие имущественной и социальной дифференциации, формирование дружины как особой социально-политической группы, возникновение союзных племенных образований, – все это свидетельствует о начале политических процессов и зарождении территориально организованных управленческих институтов, развитие которых закономерно вело к возникновению государственной власти.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка. Ч. 2. М., 1863. 725 с.

Горский А.А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М., 1989. 124 с.

Горский А.А. Феодализация на Руси: основное содержание процесса. *Вопросы истории.* 1986. № 8. С. 74–88.

Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. М., 2007. 272 с.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. 501 с.

Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. 240 с.

Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI–первой трети XIII в. СПб., 2003. 736 с.

Тацит К. Сочинения: В 2 т. Т. 1. «Анналы». «Малые произведения». Пер. и коммент. А.С. Бобович. Л., 1969. 449 с.

Тихомиров М.Н. Пособие по изучению Русской Правды. М., 1953. 192 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. / Пер. с нем. яз. Изд. 2. Т. II. М., 1986. 672 с.

Этимологический словарь славянских языков. Вып. 5 / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1978. 232 с.

Carneiro R.L. A theory of the origin of the state. *Science*. 1970. Vol. 169. № 3947. P. 733–738.

References

Carneiro R.L. A theory of the origin of the state. In: Science. 1970. Vol. 169. № 3947. P. 733–738. In English

Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Russian language. Vol. 2. M.,1863. 725 p. In Russian

Etymological dictionary of Slavic languages. Issue 5 / Ed. by *Trubachev, O. N.*. M., 1978. 232 p. In Russian

Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vol. / Transl. from German. 2nd Ed. Vol. 2. M., 1986. 672 p. In Russian

Gorsky A.A. Feudalization in Russia: the main content of the process. *Voprosy istorii*. 1986. № 8. P. 74–88. In Russian

Gorsky A.A. Old Russian squad (On the history of the genesis of class society and the state in Russia). M., 1989. 124 p. In Russian

Grinin L.E. State and historical process. The era of the formation of the state. M., 2007. 272 p. In Russian

Konstantin Bagryanorodny. About managing an Empire. M., 1989. 501 p. In Russian

Sverdlov M.B. Pre-Mongol Russia: the Prince and the princely power in Russia of the 6th – first third of the 13th centuries. St. Petersburg, 2003. 736 p. In Russian

Sverdlov M.B. The genesis and structure of the feudal society in ancient Russia. L., 1983. 240 p. In Russian

Tacitus K. Works: In 2 vol. Vol. 1. 'Annals'. 'Small pieces'. Transl. and comments by *Bobovich, A. S.*. L., 1969. 449 p. In Russian

Tikhomirov M.N. Manual for the study of Russkaya Pravda. M., 1953. 192 p. In Russian